

Практическая геометрия не является стилизацией и не имеет «декора»

Ольга Воронова |

Москва, ул. Серафимовича,
кинотеатр «Ударник»

РЕГУЛИРУЕМЫЙ ШЕЗЛОНГ,
АВТОР ЛЕ КОРБЮЗЬЕ

НАСТОЛЬНАЯ ЛАМПА,
АВТОРЫ ЮККЕР
И ВАГЕНФЕЛЬД, 1923

МОСКВА 1920-х годов представляла собой огромный котел, в котором бурлили грандиозные планы и новаторские идеи. Большевики строили новый мир, в котором тот, кто был никем, должен был стать всем. Упразднились любые излишества: романтика в отношениях, комфорт в быту, эстетическое начало в искусстве. Революционный подход коснулся и архитектуры. Наиболее прогрессивным стилем того времени стал конструктивизм, основателем которого можно считать россиянина Татлина и француза Ле Корбюзье (его называли троянским конем большевизма). Сторонники нового стиля начинали с «чистого искусства», которое на словах отвергали: они экспериментировали с формами, создавали скульптуры-конструкции. И лишь потом двинулись в архитектуру, дизайн, моду (появился даже термин «прозодежда», означавший производственную одежду). Владимир Маяковский писал в журнале «ЛЕФ»: «Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово искусства — конструктивизм, понимающий формальную работу художника только как инженерную, нужную для оформления всей нашей жизни...»

Архитектурное новаторство состояло в отрицании всяческого декора и торжестве функциональности. При строительстве зданий применялись железобетонные конструкции, столбы-опоры. Помещения отличались свободной планировкой, так как несущих стен не было. В Москве на углу улиц Мытная и Шухова стоит дом, возведенный в «бурную эпоху». Примечателен он тем, что две квартиры, расположенные на одном этаже, имеют общую ванную комнату. Позднее дом надстроили, поэтому верхние этажи нормальные. Но лифт до них идет экспрессом — чтобы не ставить жильцов нижних этажей в неудобное положение, когда они в халате и тапочках бегут из общей ванной в свою квартиру.

Эстетикой 1920-х стали бетон, стекло и железо. В строительстве и отделке преобладали простые геометрические формы. С большим энтузиазмом конструктивисты моделировали и новую мебель. Они поставили ее на трубчатые металлические ножки — так был изобретен пружинящий рессорный стул, а Ле Корбюзье придумал регулируемый шезлонг. В 1923 году немцы Юккер и Вагенфельд создали настольную лампу на стройной «ноге» и со стеклянным полусферическим абажуром. Они с гордостью представили ее на Лейпцигской ярмарке, но были осмеяны: их детище сочли слишком примитивным. В 1982 году светильник все же получил признание за Gute Form («хорошую форму») — что ж, лучше поздно, чем никогда.

ФОТО НИКОЛАЯ МАТЫШЕВА И АЛЕКСАНДРА СЕНЦОВА (ФОТОГРАФИКА ТАСС)